

V. БЫЛИНЫ СКАЗОЧНОГО ХАРАКТЕРА

1. БЫЛИНА И СКАЗКА

Былина и сказка представляют собой разные виды народного творчества. Мы неоднократно имели случай убедиться, что эпос обладает свойствами, сразу отличающими его от всех других видов народной поэзии, и в том числе от сказки. Сказка и былина охватывают разные области народной культуры, отвечают разным эстетическим потребностям. Лучше многих других разницу между сказкой и эпосом определил В. Г. Белинский. Белинский пишет: «Есть большая разница между поэмою или рапсодом* и между сказкою. В поэме поэт как бы уважает свой предмет, ставит его выше себя и хочет в других возбудить к нему благоговение; в сказке поэт себе на уме: цель его — занять праздное внимание, рассеять скуку, позабавить других. Отсюда происходит большая разница в тоне того и другого

---

* Так Белинский называет былины. Слово «былина» впервые было применено Сахаровым в «Сказаниях русского народа» (1836 г. и след.); когда Белинский писал свои статьи об эпосе, это слово еще не вошло в научный обиход. Иное мнение высказывал П. Д. Ухов в статье «К истории термина “былина”» (Вестн. Моск. университета, сер. общ. наук. Вып. 4. 1953. С. 129–137).

рода произведений: в первом — важность, увлечение, иногда возвышающееся до пафоса, отсутствие иронии, а тем более — пошлых шуток; в основании второго всегда заметна задняя мысль; заметно, что рассказчик сам не верит тому, что рассказывает, и внутренне смеется над собственным рассказом. Это особенно относится к русским сказкам»^{*}.

Это определение Белинского следует признать чрезвычайно тонким и проницательным. Сказка определяется тем, что ее эстетика основана на вымысле, нарочито подчеркнутом именно как вымысел. В этом вся прелесть сказки. М. Горький подчеркивал значение ее как «выдумки». Сам народ определяет это поговоркой: «Сказка — складка, песня — быль». В действительность происходящих в сказке событий не верят, и они никогда не выдаются за действительность. Из этого проистекает добродушный юмор, легкая насмешка, столь характерная, как отметил Белинский, именно для русской сказки. Это, конечно, не значит, что сказка оторвана от действительности. В ней вымысел именно как вымысел определяется исторической действительностью, и задача исследователя сказки состоит в том, чтобы эту связь установить. Юмор и насмешка, свойственные сказке, делают ее прекрасным средством сатиры.

В эпосе отношение к изображаемому иное. Если спросить певца, верит ли он в то, о чем поет, большинство из певцов ответит непоколебимой уверенностью в действительности воспеваемых событий. «Песня — быль». Самое слово «былина» выдает это отношение, равно как и слово «старина», которым народ обозначает былины и которое означает, что все, о чем поется, действительно было, хотя и в глубокую старину.

Правда, исследователь не может всецело доверять всем показаниям певцов. Когда собиратели или исследователи спрашивают исполнителя, верит ли он в действительность воспеваемых событий, то вопрос поставлен неправильно. Исполнитель верит в жизненную и художественную правду исполняемого, в то, что песня не лжет. Это он и выражает словами — «все было так, как поется».

---

^{*} Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 354.

По этой причине сказка лучше сохраняет доисторическую старину, чем былина, она архаичнее ее. То, что уже невозможно как действительность, возможно как интересная выдумка. Поэтому, например, в эпосе змей сменяется историческими врагами Руси, в сказке этого не происходит. По этой же причине в сказке сохраняются древнейшие тотемические представления (супруг-животное, талисманы и пр.), в эпосе эти представления исчезают.

Но Белинский подчеркивает еще другое различие между сказкой и эпосом: различие в содержании. В былине поэт «благоговеет перед предметом своих песен». Эпос выражает высочайшие идеалы народа и стремится эти идеалы передать слушателям: певец «хочет в других возбудить благоговение».

Выше мы уже видели, что идейным содержанием эпоса является кровная связь человека с родиной, служение ей. В сказке, преимущественно в волшебной сказке, содержание может быть иным. Если в эпосе герой побивает змея и тем спасает Киев от бедствия, то сказочный герой побеждает змея, чтобы жениться на освобожденной им девушке.

События классической былины происходят всегда на Руси. События сказки могут локализоваться «в некотором царстве», «в некотором государстве». И хотя в конечном итоге события русской волшебной сказки также происходят на Руси, не это подчеркивается в ней. Идейное содержание сказки — моральный облик русского человека, его жизненные, бытовые идеалы, его борьба не только с врагами родины, но со злом во всех его видах. Художественными воплощениями этого зла служат как самые фантастические существа, вроде ведьм, кощеев, змей, так и самые реалистические, как поп, помещик и царь. Но борьба со злом, борьба за правду, справедливость, составляет также и содержание эпоса, хотя в основном сказка и былина охватывают разные виды борьбы. Из этого следует, что при всем различии между сказкой и былиной между ними может иметься близость, может происходить сближение в народной среде, и этим объясняется, что в числе былин русского эпоса имеются такие, которым свойственна сказочная окраска, которые имеют сказочный характер.

Степень близости между былиной и сказкой может быть различной. Рассмотренные нами былины, в особенности ранние, как песни

о Садко или о Потыке, до некоторой степени тоже имели сказочный характер. Но есть группа былин, которые стоят к сказке еще ближе, чем былины, уже рассмотренные нами. Со сказкой их сближает то, что тон большинства из них полушуточный, слегка иронический. В рассмотренных нами былинах торжествовала идея Киевского государства, Киевской Руси; в былинах рассматриваемой группы вопрос так не стоит. Киевской Руси в них не угрожают ни змей, ни Тугарин, ни Идолище, герои не подвергаются опасности со стороны разных чаровниц. Колдуний на Руси уже нет, и они туда не проникают. Но такие «отравщицы» есть еще в далеких странах, куда едет, например, Глеб Володьевич. В былинах этой группы часто разрешаются сложные вопросы семейного и личного порядка, как в былине об Илье Муромце и сыне, о Ставре Годиновиче и его жене и т. д. В них, как и в сказке, герой проявляет свои высокие моральные качества, свою находчивость, силу и смелость. От близости со сказкой былина приобретает развлекательный характер. Исполнение ее давало отдых от тяжелого крестьянского труда, вносило в трудную жизнь струю праздничности и иногда веселья. Но и в этих случаях былина не служила развлечением для развлечения. В ней высказана народная мысль и мораль, народная оценка человеческих характеров и поступков.

Все это показывает, что такие былины, хотя они и прекрасны в художественном отношении, все же не типичны для собственно героического эпоса. Из них только одна отличается суровостью и монументальностью: это былина о бое Ильи с сыном. Она из всех былин промежуточного характера наиболее близка к собственно героическим песням, хотя не менее близка она и к сказкам. Сказочный характер остальных выражен более ярко. Все это дает исследователю героического эпоса право рассматривать их менее обстоятельно, чем собственно героические былины.

Былины сказочного характера в меньшей степени подвержены изменениям, чем собственно героические былины.

Вследствие указанных свойств былин данной группы датировка их, даже в том условном смысле, в каком это оговорено выше, весьма трудна. В огромном большинстве случаев сюжеты таких былин весьма древние. Часто они восходят еще к общинно-родовому строю.

Такие сюжеты, как сюжет мужа на свадьбе своей жены («Добрыня и Алеша»), боя отца с сыном («Илья и Сокольник»), относятся к древнейшим русским сюжетам. Это дает право утверждать, что они имелись в русской народной поэзии уже в самом начале образования Киевской Руси. Та же можно сказать и о других былинно-сказочных сюжетах. Все они чрезвычайно древние и с этой стороны относятся к ранним русским былинам. Обработка же их и некоторые детали относятся к более позднему времени, что должно устанавливаться в каждом случае отдельно. Но все это не колеблет утверждения о раннем образовании этих былин в репертуаре русского эпоса.

Наряду с этими ранними сказочными былинами имеется ряд поздних былин сказочного содержания, представляющих, собственно, уже не столько былины, сколько сказки в былинной метрической форме. Такие случаи будут рассмотрены позже.

2. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СЫН

Сюжет былины о бое Ильи Муромца с не узанным им сыном принадлежит к наиболее значительным и интересным сюжетам русского героического эпоса.

Сюжет боя отца с сыном известен многим народам. Он имеется в величайших памятниках мировой культуры, как «Шахнаме» Фердоуси, в армянском эпосе о Давиде Сасунском, он прослеживается в «Одиссее» Гомера, он известен многим народам Европы и Азии в СССР и за рубежом. Однако русские записи настолько богаты и разнообразны (опубликовано свыше 75 текстов, тогда как записи у других народов исчисляются для каждого из них единицами), что только на основании русских материалов можно понять, как сюжет зародился и как он исторически развивался^{*}. Русские материалы дают наиболее сложную и совершенную форму сюжета, которая в данном ее виде

---

^{*} Перечень публикаций и трудов см. Аст. 1, 609 и след. См. также: Кир. I, с. 6; Рыбн. I, 5; II, 160, 165, 199; Гильф. 233, 250; Марк. 98; Крюк. II, 12, 13, 14, 15; II, 63; Григ. II, 76, 87; Леонтьев, 3; Пар. и Сойм. 19, 50; И. Г. Ряб.-Андр. 3, Прилож. № 3; Сок. 4, 175, 247; Ф-р Вост. Сиб., с. 143.

совершенно национальна и не принадлежит другим народам. Тем не менее буржуазные ученые при исследовании этого сюжета всегда исходили из иноземного материала и к иноземному влиянию сводили и русскую былинку.

В советской науке этой былинке была посвящена кандидатская диссертация С. А. Авижанской; в ней было доказано, что широкое распространение и частичное сходство этого сюжета у разных народов не объясняется заимствованием: оно исторически закономерно вытекает из противоречия двух эпох, а именно эпохи материнского рода и эпохи рода отцовского^{*}. Здесь, как Энгельс выразился применительно к «Орестее» Эсхила, «отцовское право одержало победу над материнским». Этим, а не заимствованием объясняется широкое распространение этого сюжета, которому различные народы придавали свою национальную форму. Рассмотрение русской песни подтвердит эту точку зрения.

Начало песни состоит в том, что Илья встречает в поле женщину, богатырку и «поленицу», то есть воительницу, и побеждает ее в единоборстве. Он остается у нее жить, но через некоторое время ее покидает, оставляя ее беременной.

Вся эта часть повествования наиболее богато насыщена сказочными чертами. Жена Ильи иногда изображается как хранительница подземного золота. Прощаясь с ней, он оставляет ей крест, чтобы надеть его на будущего сына, и кольцо, если родится дочь. В русском сказочном репертуаре сюжет боя отца с сыном неизвестен. Он имеется как эпизод в сказочном «Еруслане Лазаревиче». Здесь некоторые детали совпадают с былинной.

По исследованию Авижанской, брак этот типичен для брака материнского рода. Он экзогамен: жена не принадлежит к роду мужа; он матрилокален, то есть брачное сожителство протекает на территории, принадлежащей роду жены, а не мужа. Он матрилинеен, то есть сын принадлежит роду матери и не знает, кто его отец. И наконец, брак этот временный: муж покидает жену, причем этот поступок

---

^{*} См. Авижанская С. А. Бой отца с сыном в русском эпосе // Вестник ЛГУ. 1947. № 3. С. 142–145.

не осуждается, так как здесь еще господствуют нормы и мораль эпохи, когда такие браки были обычной формой организации семьи. Все эти черты типичны для брака эпохи материнского рода. Однако условия материнского права вступают в противоречие с нормами позднейшего уже моногамного брака отцовского рода. В сюжете отражены противоречия этих двух эпох. С точки зрения материнского права нет необходимости знать, кто отец ребенка, так как ребенок растет и живет при матери, мужа которой могут меняться. Но с точки зрения позднейшего отцовского права и тем более моральных норм моногамного брака не знать, кто отец, — позор, а сын, рожденный вне такого регламентированного брака, считается «незаконным».

В былине Илья покидает жену без всякого конфликта. Рождается сын, и с этого момента в песне создается трагическая завязка для него как одного из действующих лиц. Сверстники дразнят его «сколотным», «заугольником» и другими оскорбительными словами, намекающими на его происхождение. Сокольник — так обычно зовут сына Ильи — отправляется искать своего отца, чтобы отомстить ему за бесчестье матери.

Такова «доисторическая» основа этого сюжета. Но такой сюжет, с таким смыслом и таким содержанием не смог бы удержаться и развиваться в условиях Киевской Руси. Здесь древний сюжет был коренным образом переработан. В условиях исторического древнего Киева Сокольник, ищущий Илью, чтобы его убить, изображается как враг Руси. Трагедия сына, брошенного своим отцом, былинных певцов уже не интересует. Сын морально неправ, и народ делает все, чтобы изобразить Сокольника безнравственным, а Илью героем. Именно в этой былине мы имеем наиболее яркое изображение «богатырской заставы», то есть пограничного поста, на котором русские богатыри зорко высматривают нарушителей границ или приближающихся врагов. Илья — атаман, предводитель этой заставы, он стоит на страже границ своей родины.

Нарушитель границы действительно является: это юноша, не заворачивающий на заставу и нарушающий границу самым вызывающим образом. Никто из богатырей, посланных Ильей, чтобы они задержали этого молодца, не может его победить. Они возвращаются побитыми, или вообще не идут, или оказываются непригодными к бою. Это не значит, что Алеша или Добрыня, посланные Ильей

на сражение, — плохие воины. Это значит, что в бой должен вступить сам Илья. Действительно, теперь выезжает Илья; он выдерживает тяжелый бой, в котором едва-едва избегает поражения. Сидя на побежденном им враге и заноса над ним нож, он либо по приметам (по кресту, который он когда-то дал жене для сына и который он теперь видит на нем), либо путем расспросов узнает в нем своего сына. Он ведет его в шатер и готов принять его в число киевских богатырей, но Сокольник к этому совсем не стремится. Ночью он пытается убить отца спящим, но Илья просыпается и без малейших колебаний убивает своего сына, оказавшегося вдвойне изменником и предателем.

Былина о бое Ильи с сыном бесспорно принадлежит к числу замечательнейших русских былин. Но сюжет этот все же не может быть признан исконным для Ильи. Никогда, ни в одной песне о нем, кроме данной, он не изображается женатым (редчайшие исключения не меняют этой общей картины). Брак Ильи совершенно не соответствует его облику как героя. Сюжет явно создан еще до того, как выработался художественный образ Ильи. Во времена Киевской Руси этот сюжет был приурочен к его имени и получил в основном ту трактовку, которую мы знаем. Трагедия сына заменена трагедией отца, сын которого оказывается недостойным его. Рука Ильи не дрогнет, чтобы убить обманщика, изменника, врага родины, даже если им будет его собственный сын. В этом величие Ильи, и этим можно объяснить, почему сюжет был приурочен именно к нему, а не к Алеше, или к Добрыне, или другому герою. По своей монументальности и трагичности этот сюжет более всего подходит к образу Ильи.

В этой связи необходимо упомянуть, что сюжет боя отца с сыном был, по-видимому, когда-то еще более популярен, чем это имело место в традиции XIX века, и что он имелся и в ином приурочении и в иной форме, которая была художественно менее удачна и вследствие этого плохо сохранилась. Боевую встречу отца с сыном в иной обстановке мы имеем в очень редкой и плохо сохранившейся былине о Сауре Леванидовиче. В этой былине царь Саур попадает к сарацинам в плен. Сын, не зная, где его отец, отправляется воевать с сарацинами. Сарацины выставляют в качестве своего поединщика плененного Саура. Отец одолевает своего противника и, победив его, узнает в нем

своего сына. Сын освобождает отца. Мы не располагаем достаточными материалами, чтобы дать развернутый анализ этой былины. Она имеется всего в двух записях, представляющих две совершенно различных версии (К. Д. 26; Кир. III, 113). Можно предположить, что этот сюжет в данной форме его был вытеснен художественно весьма совершенной и прекрасной былиной о бое с сыном Ильи.

3. ТРИ ПОЕЗДКИ ИЛЬИ

Сказочный характер былины о бое Ильи с сыном может оспариваться, настолько сильно в этой былине, несмотря на сказочный характер песни, выражены собственно героические черты.

Более определенно сказочный характер выражен в былине о трех поездках Ильи. В этой былине Илья у распутья трех дорог наезжает на камень с надписью, предвещающей тому, кто поедет по первой дороге, убитому быть, по второй — женатому, по третьей — богатому. В полной форме песни Илья последовательно едет по каждой из этих трех дорог. В песне соединены три разных приключения. Как мы увидим, эти три приключения совершенно различны по своему характеру и принадлежат разным эпохам.

Можно установить, что соединение разных сюжетов в одну песню, как правило, не усиливает и не улучшает художественных достоинств песен. Может быть, именно поэтому полная форма этой песни встречается сравнительно редко. Очень часто вместо трех ожидаемых приключений имеются только два или даже одно. Стремление к утроению характерно не для былины, а для сказки. Былина, как правило, не знает трех братьев, трех выездов, трех сражений и т. д. В эпосе чаще всего утраиваются некоторые детали, эпизоды, но не основные слагаемые сюжета. Такое утроение характерно для сказки, и данная былина носит полусказочный характер^{*}.

---

^{*} Библиографические данные к былине о трех поездках см.: Аст. I, 614 и след. См. также: Григ. II, 92; Пар. и Сойм. 3; Крюк. 1, 4; Листоп. 9; Сок. 7, 209, 211, 231, 237, 261, 269, 278.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

